
pocket**book**

rocket**book**

ДЭНИЕЛ КИЗ

Пятая Салли

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

К38

Daniel Keyes

THE FIFTH SALLY

Copyright © 1980 by Daniel Keyes

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского Ю. Фокиной

Оформление А. Саукова

Иллюстрация на обложке Вячеслава Коробейникова

Киз, Дэниел.

К38 Пятая Салли : [роман] / Дэниел Киз; [пер. с англ. Ю. Фокиной]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с.

ISBN 978-5-699-99321-5

«Пятая Салли», написанная за два года до знаменитой «Таинственной истории Билли Миллигана», рассказывает историю Салли Портер — официантки из нью-йоркского ресторана. На первый взгляд это обычная, ничем не примечательная женщина. Но, неведомые для Салли, в ней скрываются еще четыре женщины. Нола — холодная интеллектуалка-художница, Дерри — неунывающая сорвиголова, Белла — несостоявшаяся актриса и певица, и, наконец, Джинкс — переполненная злобой и ненавистью потенциальная убийца. Всякий раз в трудной ситуации Салли Портер чувствует сильную головную боль и теряет сознание. Тогда-то и появляется кто-нибудь из ее альтеров.

Перед психиатром Роджером Эшем стоит непростая задача: посредством слияния четырех разных личностей создать «пятую Салли».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Ю. Фокина, перевод
на русский язык, 2017

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-99321-5

*Посвящается моим дочерям,
Хиллари и Лесли,
и моей жене, Аурее,
поддерживающим меня
во всех начинаниях*

Автор изучил множество случаев психического расстройства, описанного в настоящей книге, и пришел к выводу, что это расстройство вызывают схожие события, пережитые пациентом в раннем детстве.

Автор просит учесть: хотя исследования в данной области создали базу для его произведения, история является чистым вымыслом.

Читателю не следует искать аналогий с реальными лицами и событиями.

Часть первая

ГЛАВА 1

Привет, я Дерри. Так вышло, что мне поручено писать обо всех этих событиях, потому что только я одна в курсе, что случилось со всеми нами, и вообще, должен же кто-то вести записи, а то в нашей истории черт ногу сломит.

Сразу говорю: это была не моя затея. Не мне взбрело выйти из дому в тот апрельский вечер. Я бы в жизни не полезла на улицу в этакую мокрятину. Просто Нола начиталась, как всегда, греческих трагедий и от них окончательно раскисла. Принялась вспоминать детство, как она отдыхала на пляже, и захотела снова увидеть океан. Подземкой добралась с Манхэттена до Кони-Айленда, оттуда пошла пешком. На улицах, конечно, никогошеньки, все успели распределиться по барам, казино и прочим заведениям. Между Нептун-авеню и Мермейд-авеню Ноле попадались одни бомжи, да и тех было три с половиной человека: копошатся на асфальте, жмутся к парадным дверям. Ноле, понятно, от их газетных козырьков только тошнее сделалось. Стало казаться, будто само время застыло, ждет летнюю веселую толпу. А пока лето не наступило, пока апрельская

морось долбит мозг, Кони-Айленд, конечно, самое что ни на есть заброшенное, тусклое место на Земле.

Тут, правда, Нола вспомнила про один бар, «У Натана»; он круглый год открыт. Этаким оазис в сырой и зябкой пустыне. Туда-то она и направилась. В самом баре народу не было, но на террасе, под маркизой, несколько человек согревались кофеём из пластиковых чашечек, жареной картошкой ну и, конечно, «самыми знаменитыми в мире хот-догами» — куда ж без них? Не будь я на диете, тоже заказала бы сочный хот-дог, да с горчишкой, да с капусткой квашеной. Потому что в дождливый вечер самое милое дело — впитаться зубами в хот-дожье сочное тело. А Нола не соблазнилась. Ей хотелось поскорее к океану. Она постояла, глянула на часы, зафиксировала в памяти время. 10.45.

Но вот кого Нола не зафиксировала, так это троих парней в драных джинсах и клепаных куртках. Парни по очереди отхлебывали из бутылки, и было им довольно скучно. А тут Нола появляется в луче света, топает по аллее, и все мысли у нее — о пляжном сезоне двадцатилетней давности, как она строила песчаные замки, а потом лезла в воду, обмыться.

И вот Нола ступает на дощатый настил, и в ноздри ей бьет запах мокрого песка. Она сразу же скидывает туфли, дальше идет босиком, песок пальцы щекочет. Я-то знаю: на досуге Нола тешилась мыслью погибнуть в море. Желательно —

не в простом, а в гомеровском, в «винноцветном»¹. К нему-то Нола и топает, а оно — просто черное под дождем в темноте. Нола сорвала пластиковую шляпу от дождя, швырнула на песок. Песок, заметьте, был совсем не гомеровский, а загаженный. Загаженный, заплеванной, усеянный использованными презервативами. Их волны выбросили, будто не хлам, а послания из иного времени. Нола сбилась с мысли о высоком, стала думать про презервативы. Потом она принялась думать, а почему она думает про презервативы, будучи девственницей, которая собралась оборвать нить своей жизни? И не оставить ли ей тоже какое-нибудь послание, не сообщить ли всем, что расщепленная жизнь ее замучила и что утонуть лучше, чем вены себе порезать?

От таких мыслей у Нола заболела голова. Захотелось раздеться донага, и она сорвала блузку, сорвала юбку, подставила тело дождю. Прибой зазывно мурлыкал, Нола шагала по пустынному пляжу, расшвыривая одежду. Ноги перестали вязнуть, потому что она вступила в полосу прибоя, где песок плотный, и вскоре почувствовала пятками жирную грязь мягкой текстуры. Вода пузырилась между пальцев, отступая, тащила за собой и грязь. Образовывались маленькие ка-

¹ Винноцветное море — эпитет Н.И. Гнедича, переводчика «Илиады». В оригинале использовано слово «οἶνος», что буквально значит «подобное вину». *Здесь и далее примеч. пер.*

нальчики. Нола взглянула на часы с подсветкой. Зафиксировала время.

11.23.

Вода была теплее, чем воздух, ноги согрелись, а все остальное, наоборот, заоченело. Наверное, думала Нола, Сократ, когда выпил цикуту, почувствовал прямо противоположное — у него ноги начали наливаться каменным холодом.

А голова между тем болела. Тоже, нашла время!.. Боль зарождалась в шее, Нола ей сопротивлялась. Кто-то внутри вопил «нет», «нет», «нет»; кто-то сражался с Нолой.

Теплая вода омыла ей колени, затем — бедра. Нола сделала еще несколько шагов вперед. Помедлила, позволив океану трогать себя *там*. Скоро, очень скоро она будет в руках Божьих. Чем она хуже Афины, рожденной взрослой женщиной из Зевсовой головы? Ласки океана стали интенсивнее. Нола вздрогнула и сделала еще шаг. Обнаружила занятную вещь: когда смотришь смерти в глаза, центром вселенной становится твой собственный пупок.

Каково это — дышать соленой водой? А вдруг Нола на самом деле — русалка; вдруг она не утонет, но очутится в подводном царстве, обретет рыбий хвост и сможет плавать во владениях Посейдона вместе с капитаном Немо и?.. Эх, так и не удосужилась дочитать «Моби Дика»! Вдруг не дочитывать книги — это грех, и Нола обречена торчать в чистилище, томясь от незнания, чем все завершится? Или ей уготована другая кара — до скончания времен барахтаться среди бесчислен-

ных страниц, запутываться в саргассах недочитанных историй?

Океан нежно пощипывал губами ее соски. Будто инкуб, подумала Нола. Зашла в воду по шею. Стало тепло, захотелось спать. Нола медленно погружалась.

На берегу кто-то надрывался:

— Вон она! В воде! Хватай ее!

Нола оглянулась. К ней по пляжу бежали трое.

— Не трогайте меня! — крикнула Нола.

Трое попрыгали в воду. Нола нырнула, попыталась дышать водой. Голова закружилась, и Нола вынырнула, отплевываясь и сморкаясь. Ее схватили за волосы, за руки, поволокли на берег. Она кашляла, хрипела, умоляла: «Господи, дай мне умереть! Ну пожалуйста!»

Нола думала, сейчас ей сделают искусственное дыхание. Только этого не хватало! Она попыталась подняться на ноги. Но «спасители» затащили Нолу под деревянный настил, и один из них расстегнул ширинку. Другой, тот, что удерживал правую руку Нолы, возмутился:

— Сначала я!

— Фигу, — отрезал тот, что расстегнул ширинку. — Я ее первый увидел. Твоя очередь — после меня. А ты третьим будешь.

— А чего это как я, так третьим?

Нола поняла: ее спасли вовсе не из человеколюбия.

— Не надо! — выдохнула она. — Пожалуйста, отпустите меня!

Третий осклабился.

— Ты все равно себя рыбам скормить собиралась. Давай мы с тобой малость развлечемся, а потом, так и быть, бросим тебя обратно в воду. Лады? Хороший трах даже перед смертью не повредит.

— Вот-вот, — подхватил второй. — Успеешь еще утонуть.

Мигрень никуда не делась. Наоборот, усилилась. Нола не желала поддаваться. Ей случилось выкарабкиваться из всяких переплетов. Выкарабкается она и сейчас. Эти трое не блещут интеллектом — она легко их проведет.

Второй и третий растянули ей руки и ноги, первый собирался приступить к делу.

— Ребята, зачем заниматься сексом на песке? Здесь холодно и мокро. А я живу недалеко. Пойдемте ко мне, — заговорила Нола. — Выпьем вина. У меня есть отличный сыр. Чеддер. Настоящий, выдержанный. Можно музыку включить...

Первый впился губами ей в губы. От него разлило перегаром. Нола принялась извиваться под ним.

— Вроде как с аллигатором борешься, да? — предположил третий.

— Надо было нам дождаться, пока она захлебнется, — пожалел второй.

— Помогите! — кричала Нола. — Люди! Кто-нибудь!

На этом слове она вырубилась.

Джинкс мигом поняла, что происходит. Она — мокрая и голая, распята парой гоппников, третий гоппник, без штанов, лежит сверху.

— Какого черта! Кто меня сюда притащил?

— Полежи спокойно хоть полминуты, — со смехом сказал бесштаный. — Вот увидишь, тебе самой понравится.

— Ах ты, сукин сын! Отвали, урод!

Джинкс извивалась, дергалась влево и вправо. Ей удалось резко повернуть голову и вцепиться зубами в руку третьего. Челюсти щелкнули, точно капкан. Третий взвыл и разжал пальцы, Джинкс освобожденной рукой схватила первого за яйца и стиснула, вонзив ногти в плоть. Тот выгнул от боли спину и потерял сознание.

Второй от изумления сам отпустил ее и теперь пятился, будто краб. Джинкс, еще лежа, швырнула ему в глаза горсть песка, вскочила и набросилась на него.

Она его царапала и пинала, потом вцепилась зубами ему в плечо, ощутила вкус крови. Он вырвался и побежал. Третий за это время успел смыться. Первый еще валялся без сознания. Джинкс ударила его кулаком в лицо, расквасив нос, и стала озираться в поисках острой щепки, а лучше — консервной банки. Она кастрирует этого мерзавца, он сдохнет от болевого шока, и чайки насытятся его гнилым мясом.

Послышался шорох автомобильных шин. Сквозь щели между досками настила мелькали красные «габаритки», мигалка распространяла синий свет. Копы! Только их тут не хватало! Меньше всего Джинкс улыбалось сейчас проследовать с копами в участок, проторчать там до утра, отвечая на дебилные вопросы: «Вы их спровоци-

ровали, не так ли?», «Вы сами позволили им взять вас?», «Что вы делали в такое время на пляже, да еще голая?», «Вы просили у них денег, да?», «Вам уже случалось иметь сексуальные контакты с незнакомцами?».

Джинкс подавила желание дождаться, пока копы выйдут из машины, самой запрыгнуть на водительское сиденье, рвануть с пляжа и пуститься по темным улицам. Нет, сейчас лучше затаиться. Что обидно, так всегда и бывает. Кто-то лезет на рожон, впутывается в историю, из которой заведомо не сможет выпутаться, а Джинкс вынуждена все улаживать. Над ней раздались шаги, заплясали пятна фонариков. Вот копам и занятие до конца смены — устанавливать личность незадачливого насильника.

* * *

Салли очнулась в больнице Кони-Айленда. Что было ночью, она не помнила. Ей с материнской нежностью улыбалась тучная медсестра. Но Салли давно усвоила: после «провала» нельзя говорить минимум до тех пор, пока не выяснишь, который сейчас час и какое нынче число. Может, ничего особенного не случилось; незачем людям знать про ее «особенности». Салли быстро нашла глазами стенные часы. 9.53.

Медсестра смотрела выжидательно. Вот сейчас пациентка спросит: «Где я?» или «Что случилось?». Но Салли помалкивала. На бейджике прочла фамилию медсестры: Ванелли.

— Вы понимаете, где находитесь? — наконец не выдержала Ванелли. Улыбка у нее была точно сладкой патокой нарисованная, а неожиданный фальцет резанул Салли по ушам.

Салли нахмурилась.

— Что тут непонятного?

— Вас чуть не изнасиловали, но сами вы, судя по всему, лично расправились с насильниками. Вы, наверное, еще переживаете это происшествие.

— Ну да, конечно. Переживаю.

— Вы помните подробности?

— Почему бы мне их не помнить? — Салли стиснула под одеялом кулаки. Страх и гнев она тоже давно научилась прятать.

— Потому что полиция обнаружила вас в глубоком обмороке.

Салли отвела взгляд. Слава богу!

— Раз так, вряд ли я могу что-нибудь помнить, верно? Человек в обмороке ничего не помнит. Это нормально.

— Я должна записать ваши данные, — произнесла Ванелли, вынимая ручку из кармана и открывая блокнот на чистой странице. — Ваше имя? Ваш адрес?

— Салли Портер, Западная шестьдесят шестая улица, 628.

Брови медсестры взлетели. Она явно хотела спросить, что делала Салли так далеко от дома, под настилом на Кони-Айленде. Однако Ванелли снова улыбнулась и задала совсем другой вопрос:

— У вас есть близкие? Муж? Родители?